

УДК 81'373 : 82-1

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОВ С ПОЛНОГЛАСИЕМ И НЕПОЛНОГЛАСИЕМ В ЛИРИКЕ В.В. БОРОДАЕВСКОГО

Н.О. Косицына

Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка
e-mail: kosicinata@gmail.com

Курский государственный университет

В статье рассматриваются слова с полногласием и неполногласием, функционирующие в поэтических текстах писателя курской земли В.В. Бородаевского. Использование тех или иных форм зависит от авторских установок, жанра произведения, тематики, при этом особую роль рассматриваемые лексемы играют в поэтических текстах. В рамках проведенного исследования установлено, что в анализируемом корпусе текста в количественном отношении преобладают полногласные варианты. В аспекте истории языка преобладание полногласных форм говорит о сближении литературного языка с народной речью. Неполногласные варианты составляют особенность поэтической речи, их словарные формы нередко сопровождаются пометами устар., высок., трад.-поэт., тогда как полногласные в большинстве случаев стилистически нейтральны.

Ключевые слова: полногласие, неполногласие, В.В. Бородаевский.

Введение

Старославянские элементы, функционирующие в русском языке, неоднократно становились объектом изучения лингвистов как в синхронном, так и диахронном плане. Особый интерес представляет оппозиция *полногласие / неполногласие*, оригинально воплощающаяся в разных славянских языках. Полногласие как отличительное лексико-фонетическое явление русского, украинского, белорусского языков представляет собой «наличие в корневых морфемах сочетаний *оро, ере, оло* между согласными», появившихся в результате «фонетического изменения праславянских сочетаний типа ... *tort, tert, tolt, telt*» путем развития гласного после сонорного [Языкознание 1998: 382; Русский язык 1979: 217]. С восточнославянскими словами в современном русском языке сосуществуют южнославянские неполногласные образования «плавный согласный + гласный [а] или [е]» между согласными в корневых морфемах [Языкознание 1998: 331; Русский язык 1979: 159]. Такое взаимодействие становится возможным благодаря проникновению слов с неполногласием через язык памятников старославянской письменности. «Если мы вместо ожидаемых русских сочетаний *оро, ере, оло (ело)* или рядом с ними найдем

в тех или иных словах сочетания *ра, рѣ (ре), ла, лѣ (ле)*, то с уверенностью признаем такие слова остатками церковнославянского основания нашего литературного языка, церковнославянизмами» [Шахматов 1941: 71]. Из речи образованных людей Древней Руси славянизмы попадали в народную речь: «К XI веку можно с уверенностью возвести многие из заимствованных слов, дошедшие до нашего времени: слова, как *власть, съдравъ, страна, благо, срамъ, вредъ, время* и т.п., издавна вошли в разговорную речь верхов русского населения» [Шахматов [http](#)]. Ф.П. Филин в работе «Истоки и судьбы русского литературного языка» указывает на существование 2324 слов с неполногласием, тогда как Шахматов приводит 194 случайно взятых примера. При этом слов с полногласием оказывается в два раза больше – 4825, что говорит о преобладании исконно русской стихии. В течение XIX века идет уменьшение состава неполногласных форм в русском языке и частотности их употребления [Филин 1981: 27–29]. Однако даже сегодня «трудно составить фразу, в которой бы не попало *слова*, так или иначе не проникшего в наш язык из старого книжного источника или не созданного по старинным образцам. Мы даже и не чувствуем уже, что *время, сладкий, жажда, враг, нужда, плен* – это чужие слова, и только научный анализ может нас в этом убедить» [Булаховский 1952: 75–76].

Нужно помнить, что полногласия и соответствующие им неполногласные лексемы выступают не только лингвистическими, но и культурными знаками, важными для получения и интерпретации фоновой культурно значимой информации. Они «имели разную судьбу в истории развития языка» (в одних случаях сохраняется неполногласный вариант, в других – полногласный, в третьих – оба, но с изменением значения), а в поэзии эти элементы нередко «использовались в разных стилистических целях» [Русский язык 1979: 160]. Слова с неполногласием зачастую имеют книжный, отвлеченный характер [Языкознание 1998: 332]. Слова эти функционируют в языке как самостоятельные лексические единицы. Большинство вариантов в русском языке составляют пары старославянизм-русизм. Один член пары чаще всего является общеупотребительным, тогда как другой характерен для ограниченного круга текстов и стилей. Неполногласные варианты обладают стилистическим оттенком «высокости» или «поэтичности» [Цейтлин 1964]. Со старославянизмами «частью связываются понятия, чуждые житейской обыденности; это или книжные понятия, или церковные, или отвлеченные; ясно, что отсутствие соответствующего русского народного слова было причиной сохранения в нашем языке всех этих слов; иногда соответствующее русское слово налицо, но значение его иное (большею частью оно более реально, чем книжное, церковнославянское слово), и это служило основанием к сохранению чужеземного собрата» [Шахматов 1941: 71].

Материалы и методы

В рамках данной статьи будут рассмотрены слова с неполногласием в их взаимодействии с соответствующими им русскими элементами на материале стихотворных текстов поэта курской земли Валериана Валериановича Бородаевского. Источником фактического материала послужил сборник стихотворений поэта, получивший символическое название «Посох в цвету» [Бородаевский 2011]. Примеры извлекались методом сплошной выборки. Характер использования анализируемой лексики в стихотворных текстах позволит выявить некоторые черты языковой личности автора (см., например: [Косицына 2014, 2018, 2019]), продемонстрирует поэтическое видение проблемы отбора собственно русской и заимствованной лексики, взаимоотношение этих элементов друг с другом. «Всесторонний анализ актуализированного лексикона поэта поможет найти неопровержимые доказательства, с одной стороны, традиционности, а с другой – самобытности его творческого наследия» [Бобунова 2014: 201].

Результаты и обсуждение результатов

В стихотворениях В.В. Бородаевского отмечаем следующие слова рассматриваемой нами группы:

– только в полногласной форме: *березка, березовый, болото, болотный, борода, бородатый, волосы, воробей, ворон, дорога, колос, корова, король, молочный, поросенок, терем, торопить* и др.,

– только в неполногласной форме: *благовонный, бремя, влага, владыка, владычица, властелин, мрачить, сладость, храм* и др.,

– в обеих формах: *берег – безбрежность, ворота – врата, голос – возглас, голова – глава, голод – глад, дерево – древо, холодеющий – хладеющий, золотистый – златистый, молодка – младший, полотно – платок, пригородный – преградить, сторож – страж, сторона – страна, схоронить – сохранить, через – чрез, перед – пред* и др.

Как можем видеть, конкуренция слов в паре в первом случае заканчивается победой русского слова, что в целом нередко фиксируется в языковой системе. Так, например, лексема *блато*, снабжаемая в современных словарях пометами *устар.* или *трад.-поэт.*, на страницах рассматриваемых нами стихотворных произведений не зафиксирована (вспомним строки из «Медного всадника»: *Из тьмы лесов, из топи блат / Вознесся пышно, горделиво...* Как отмечает Р.М. Цейтлин, лексема *блато* у А.С. Пушкина фиксируется не только в финальном тексте, но и во всех набросках поэмы, следовательно, играет особую роль для передачи авторских установок). В стихах В.В. Бородаевского находим только полногласный вариант:

Гляди – огонечки болотные

Кивают нам, будто во сне («Зову тебя в воды хрустальные...»).

Словосочетание *огонечки болотные* в данном случае формирует у читателя образ блуждающих огней, спонтанно возникающих над болотистыми местами и становящихся причиной суеверий (их появление считалось дурным предзнаменованием). В славянской мифологии огни представляются мифологическими существами – посмертным воплощением грешных душ, отбывающих наказание на земле [Славянские древности: 3: 511]. Прилагательное *болотные*, будучи стилистически нейтральным, указывает на локативную характеристику.

Среди только полногласных вариантов в лирике поэта отмечаем лексемы, с помощью которых отражается жизнь простого русского человека. Так, видим названия птиц (*воробей, воробыный, ворон, ворона*):

*То бывало, **воробы** слетались
У решетки под моим окном (Воробы),*
слова, описывающие внешний вид человека (*борода, бородатый, чернобородый*):

*Но неподвижен и суров,
Подъят над спинами рабов
Чернобородый лик владыки (Барельеф),*
называющие социальное положение (*холоп, король, королевский*):
*Родитель мой **король** – он был в жестоком гневе,
Когда пасти стада за речкой голубой
Я, **королевский** сын, к пастушке, робкой деве,
Однажды убежал весеннею зарей («Родитель мой король – он был в жестоком гневе...»).*

Только в неполногласной форме зафиксированы в лирике В.В. Бородаевского, например, слова *бремя, влага, владыка*. Такие старославянизмы носителями языка воспринимаются как «свои», теряют признак чужеродности, поскольку в языке зачастую не сохраняется их русская по происхождению пара и сами они являются нейтральными в стилистической окраске. Так, лексема *бремя* ‘тяжесть, ноша’, южнославянское по происхождению, в рассматриваемом корпусе текстов пару с восточнославянским *беремя* не составила (ср. пословицы и поговорки: *Иное время – иное бремя. Беремечко – тяжелое времечко. Этот человек – пустяков беремья. Было времечко – осталось одно беремечко* [Даль: I: 84]), фиксируем следующий контекст:

*Как будто мало град, и снег, и **бремя** гнезд
Над миистыми ветвями тяготели... (Тоска).*

Сложные прилагательные *благовонный, благодатный, благодарный, благоуханный* отсылают нас к работам известного слависта Р.М. Цейтлин, в которых отмечается, что в старославянских памятниках фиксируется большое число композитов с первым компонентом *благо*, исторически содержащим неполногласное сочетание [Цейтлин 1964]:

И гвоздик кровавых гряды

Замутились, благовонные («Мы носились на гигантах...»);

В чаще блуждая, беглец услышал призыв благодатный («Это случилось недавно и вовсе неожиданно...»).

А. Зализняк пишет, что слово *благо* пришло в современный язык не из живого древнерусского языка, а из церковнославянского, для которого оно было фонетически закономерным [Зализняк 2009]. В современном русском языке в словах типа *благой, благодать, благодетель* отмечается только неполногласное сочетание, соответствующие им полногласные варианты полностью отсутствуют, исключением является название города *Бологое*. В Национальном корпусе русского языка слово *болого* встречается только в трех текстах (всего 11 примеров), два из которых публицистические, а третий – художественный [НКРЯ [http](http://)].

Следует также помнить о том, что одна часть слов с неполногласием входила в русский язык непосредственно из старославянского, тогда как другая была создана на русской почве. Так, Ф.П. Филин в пример приводит лексику *драгоцѣньнѣ* и ее производные, указывая, что прилагательное *драгоцѣнный* использовалось в фольклорных записях XVII века, а появление его скорее всего датируется XIV веком [Филин 1981: 30]. Искусственные неполногласные формы не всегда приживались в русском языке, сохранившиеся варианты в XIX – XX вв. входят в тесные семантические связи со словами с полногласием. В анализируемом корпусе текстов можно указать на наличие подобных форм, например:

Там короной драгоценной

Из ключей черпаем воду –

Дар бесценный («Мы – цари. В венцах с жезлами...»).

Рассмотрим оппозицию *ворота – врата*. Этимологическая справка позволяет проследить родство не только приведенной пары: в говорах фиксируется слово *воротá* с переносом ударения; родственными древнерусскому *ворота* и старославянскому *врата* являются болгарское *вратá*, сербохорватское *vráta*, словенское *vráta*, чешское *vrata*, польское *wrota*, верхнелужицкое *wrota* и нижнелужицкое *rota*. Исконнородственны древнепрусское *warto* ‘дверь’, латышское *varti* ‘ограда дома, двор, улица’, албанское *vathë* ‘ограда, двор, загон, овчарня’, тохарское *B wárto, warto* ‘сад, роща’, древнеиндийское *vṛtiṣ* ж. ‘забор, ограда’ [Фасмер: 1: 355]. Таким образом в языковом сознании славян формируется «представление о некоей замкнутой территории, ограниченной реально или потенциально, на которую возможно проникновение через вход – ворота, причём ворота чаще выполняют именно функцию защиты» [Климас 2021].

Лексема *ворота* в рассматриваемом нами корпусе текстов реализует значение ‘широкий вход или проезд, запираемый створами (в строениях, стенах, заборах); створы для запираания этого входа или проезда’:

И этот свист, как голос лирный, сладок

Под сводами торжественных ворот (В осьмнадцать лет).

При этом В.В. Бородаевский дает указание на реально существующие объекты материальной культуры – кафедральный собор Флоренции Санта-Мария-дель-Фьоре и ворота, выстроенные курским дворянством для въезда императрицы Екатерины II:

*Торговка низкая, едва бледнеет день,
К воротам бронзовым Марии дель Фиоре
Ведет красавицу – на верхнюю ступень (Двуликая);
Воздвигнуты для въезда знатных лиц
За городом Херсонские ворота (Resignation).*

Интересно, что автор использует слово *ворота* для наименования входа в собор, но оно остается стилистически нейтральным. Как видим, складывается локусный образ.

Слово *врата* в современных толковых словарях стилистически окрашено, имеет пометы *трад.-поэт.* (в значении = ворота) или *церк.* ('вход, ведущий в храм или алтарь'). Если *ворота* маркируют место, определенную территорию, то *врата* мы фиксируем в двух контекстах, связанных с религиозными представлениями:

*Две кельи связаны объятьем низких сводов,
Две дружные сестры у нежно-алых врат (Старцы);
И повесть горькую постыдного изгнания
От врат Эдемowych, закрывшихся давно («Вы правы, как всегда –
нужны ль мои признанья...»).*

Анализ показывает, что существительное *ворота* представляется реалией из обычной повседневной жизни человека, тогда как церковнославянизм *врата* приходит прежде всего со страниц книг, создаваемых по южнославянским образцам, вошедшим в лексическую систему русского языка.

Еще одна интересная пара *пленный – полоненный*. В.В. Бородаевский лишь один раз в своих стихах использует исконно русскую лексему с полногласием:

*Нам, полоненному народу,
Что пал под силою враждебной,
Пошли твой дар, твою свободу,
Свод неба синий и целебный («Нам, полоненному народу...»);
Но всё же ты пленной казалась царицей,
И наш смех срывался, фальшивил и гас («Ты любила стихи и была
горбатая...»);
Я пленный в них входил, глядящий ниц.
Конвой был строг, уставший от работы («Воздвигнуты для въезда
знатных лиц...»).*

В Национальном корпусе русского языка глагол *полонить* фиксируется лишь в 26 контекстах, при этом реализуется не только значение 'брать в плен, завоевывать', но и 'очаровывать, покорять' [НКРЯ

http]. Интересно, что в «Слове о полку Игореве» лексема *полонити* зафиксирована только в полногласной форме: *Луце жь бы потяту быти не же **полонену** быти* (Лучше в поле пасть, чем в полон попасть).

Укажем также, что слова типа *брег, врата, глас, градъ, злато* и под. вышли из употребления только во второй половине XIX в., однако зачастую находят место в поэзии даже настоящего времени, а также сохраняются в составе производных и сложных слов. Так, корень *злат-* в лирике В.В. Бородаевского фиксируем в следующих словах (лексема *злато* в словарях сопровождается пометами *устар., высок., trad.-поэт.*): *златокудрый, златоголовый, златистый, златить*. Например:

*Небесный хлад в парче **златистых** звезд*

Встречает клен, как мудрый царь востока («На поиски, быть может, лучших мест...»);

А в сумрак храма красноватым бликом

Вечерний луч вливался, опочив

*Над **златокудрым** отроческим Ликом...* («О, дивный Отрок, мудрыми словами...»).

Обратим внимание на двукорневую лексему *златоголовый*, где первый корень содержит неполногласие *-ла-*, а второй – полногласие *-оло-*:

*Живут семьей **неблагодарной***

***Златоголовые** ужи* («Здесь много лет, в теплице парной...»).

Интересно, что В.В. Бородаевский использует (не)полногласный вариант слова не только в тексте стихотворения, но и в подписи к нему. Так, «Песнь русскому народу» сопровождает фраза *3 марта 1917 Град св. Петра*, где фиксируем старославянизм *град* (*устар. высок.*). Исследователи отмечают, что данное слово используется всегда в официально-торжественной обстановке, особенно если имеется в виду столица государства или знаменитый в истории город [Цейтлин 1964: 247], коим является упомянутый автором Санкт-Петербург.

В другом случае эпиграфом к стихотворению «Я холоден» становится строчка из Апокалипсиса *О, если бы ты был **холоден** или горяч!* (гл. 3, 15), содержащая лексему с полногласием. Как отмечают историки языка, в ранних памятниках древнерусской письменности слово *холод* (и его производные) не встречается, становится активным в начале XVI века. Не совсем ясным оказывается и его происхождение, некоторые исследователи связывают этимологию слова с германскими языками: гот. *kalds* «холодный, студень», лат. *gelidus* (и.-е. **geldh-*); и.-е. **gheld-* представлено в др.-инд. *hládatē* «освежается», *prahlādas* «освежение, наслаждение»; **kalt-* – в лит. *šáltas* «холодный», осет. *sald* «холод», авест. *sarəta-* «холодный» [Фасмер: 4: 256; Черных: 2: 348].

Заметим, что прямое значение слова в большинстве случаев соотносится с полногласным вариантом рассматриваемых слов, а переносное – с неполногласным. Ср. *берег* – *безбрежный*:

*Над башнями лазоревых дворцов
У берега холодного Мурмана
(Бескрайний путь)*

*В познании, что скорбь безбрежна,
Земную тягу одолеть
(Дочери)*

Среди всех выявленных форм можно указать наиболее употребительные – это прежде всего слова с корнями

слад-: *сладость твоей позолоты, сладкий веет надоблачных лампад, сладкая тоска, при сладостной луне, зовы сладкой алости, первый сладкий грех,*

благ-: *Десница всеблагая, благостным заоблачным виденьем, верь благодарной душой, благ царицы гнев, черты благие,*

золот-: *золотая березка, в искрах золотистых, солнце золотое, кубок золотой, золотая коронка, золотая свирель, золото всех стран, золотосиние кристаллы, слиток золота, золотистый прах, золотистым дождем, под бледно-золотистым сургучом,*

голов-: *поникни головой, желтую голову ловко сломила, над сизой головой твоей, тень головы, голову сдавило, зреет голова, белыми качали головами,*

молод-: *встретилась молодка, мелькнет молодость, бренчит о молодайке, нравы пригородных молодых, русалка молодая, как молодой орел, начали беседу с молодницей, как голубь молодой,*

холод-: *зачем так холодно, зажжены рукой холодеющей, холодных ветров, к холодным губам, холодных лучей, от холодных дождей, зелень неба холодна, с холодным смехом, холодными устами, холодом объятый.*

Заключение

Таким образом, в лирике В.В. Бородаевского находят отражение как южнославянские, так и восточнославянские рефлексy, особенности использования которых во многом зависят от выбора автора, его творческих установок. Старославянизмы нередко сосуществуют на страницах лирики со своими исконно русскими полногласными вариантами. Рассмотренный нами пласт лексики организует культурно-исторический контекст. Неполногласные варианты составляют особенность поэтической речи, их словарные формы нередко сопровождаются пометами *устар.*, *высок.*, *трад.-поэт.*, тогда как полногласные в большинстве случаев стилистически нейтральны. Как показал анализ, в исследованном корпусе текстов в количественном отношении доминируют полногласные варианты. В аспекте истории языка преобладание полногласных форм говорит о сближении литературного языка с народной речью.

Библиографический список

Бобунова М.А. На подступах к изучению языка В.В. Бородаевского // Авторские миры в художественном тексте XIX–XX веков: материалы междунар. науч. конф. (Курск, 28–30 июня 2013 года) / под ред. Н.З. Коковиной, Г.А. Ачкасовой, И.П. Михайловой; Курск. гос. ун-т. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2014. С. 196–201.

Бородаевский В.В. Посох в цвету: собрание стихотворений. М.: Водолей, 2011. 400 с. (Ссылки на это издание даются в круглых скобках).

Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. Т. 1. Киев: Учпедгиз, 1952. 436 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 2000. Т. 1–4.

Зализняк А. О профессиональной и любительской лингвистике // Наука и жизнь. 2009. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/15245/> (дата обращения: 06.09.2023).

Климас И.С., Праведников С.П. Ворота в курском фольклоре // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 4 (43). С. 89–100 [Электронный ресурс]. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4261 (дата обращения: 06.05.2023).

Косицына Н.О. Вербальная репрезентация религиозной культуры в лирических произведениях В.В. Бородаевского // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 4 (32). С. 84–89 [Электронный ресурс]. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/1383 (дата обращения: 04.10.2023).

Косицына Н.О. Лексика, называющая культовые сооружения, в лирике В.В. Бородаевского // Курское слово. 2019. № 20. С. 11–16.

Косицына Н.О. Под звездочкой, под красненькой... (концепт «красный цвет» в лирике В.В. Бородаевского) // Курское слово. 2018. № 17. С. 25–31.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 24.10.2023).

Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ф.П. Филин. М.: Советская энциклопедия, 1979. 432 с.

Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. М.: Институт славяноведения РАН, 1995. Т. 1–5.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986. Т. 1–4.

Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981. 330 с.

Цейтлин Р.М. Из истории употребления неполногласных и полногласных слов-вариантов в русской художественной речи конца XVIII

– начала XIX века // Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху. М., 1964. С. 225–284.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 3е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1999. Т. 1–2.

Шахматов А.А. Русский язык, его особенности. Вопрос об образовании наречий. Очерк основных моментов развития литературного языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruthenia.ru/apr/textes/shakhmat/shakh01.htm> (дата обращения: 24.10.2023).

Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941. 288 с.

Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. 685 с.

References

Bobunova M.A. Na podstupax k izucheniyu yazy`ka V.V. Borodaevskogo // Avtorskie miry` v xudozhestvennom tekste XIX–XX vekov: materialy` mezhdunar. nauch. konf. (Kursk, 28–30 iyunya 2013 goda) / pod red. N.Z. Kokovinoj, G.A. Achkasovoj, I.P. Mixajlovoj; Kursk. gos. un-t. Kursk: Izd-vo Kursk. gos. un-ta, 2014. S. 196–201.

Borodaevskij V.V. Posox v czvetu: sobranie stixotvorenij. M.: Vodolej, 2011. 400 s. (Ssy`lki na e`to izdanie dayutsya v krugly`x skobkax).

Bulaxovskij L.A. Kurs russkogo literaturnogo yazy`ka. T. 1. Kiev: Uchpedgiz, 1952. 436 s.

Dal` V.I. Tolkovy`j slovar` zhivogo velikoruskogo yazy`ka: v 4 t. M.: Rus. yaz., 2000. T. 1–4.

Zaliznyak A. O professional`noj i lyubitel`skoj lingvistike // Nauka i zhizn`. 2009. № 1 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/15245/> (data obrashheniya: 06.09.2023).

Klimas I.S., Pravednikov S.P. Vorota v kurskom fol`klore // Teoriya yazy`ka i mezhkul`turnaya kommunikaciya. 2021. № 4 (43). S. 89–100 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4261 (data obrashheniya: 06.05.2023).

Kosicyna N.O. Verbal`naya reprezentaciya religioznoj kul`tury` v liricheskix proizvedeniyax V.V. Borodaevskogo // Ucheny`e zapiski. E`lektronny`j nauchny`j zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 4 (32). S. 84–89 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/1383 (data obrashheniya: 04.10.2023).

Kosicyna N.O. Leksika, nazy`vayushhaya kul`tovy`e sooruzheniya, v lirike V.V. Borodaevskogo // Kurskoe slovo. 2019. № 20. S. 11–16.

Kosicyna N.O. Pod zvezdochkoj, pod krasnen`koj... (koncept «krasny`j czvet» v lirike V.V. Borodaevskogo) // Kurskoe slovo. 2018. № 17. S. 25–31.

Nacional`ny`j korpus russkogo yazy`ka [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (data obrashheniya: 24.10.2023).

Russkij yazy`k. E`nciklopediya / gl. red. F.P. Filin. M.: Sovetskaya e`nciklopediya, 1979. 432 s.

Slavyanskije drevnosti. E`tnolingvisticheskij slovar`: v 5 t. / pod red. N.I. Tolstogo. M.: Institut slavyanovedeniya RAN, 1995. T. 1–5.

Fasmer M. E'timologicheskij slovar' russkogo yazy'ka: v 4 t. M.: Progress, 1986. T. 1–4.

Filin F.P. Istoki i sud'by' russkogo literaturnogo yazy'ka. M., 1981. 330 s.

Cejtlin R.M. Iz istorii upotrebleniya nepolnoglasny'x i polnoglasny'x slov-variantov v russkoj xudozhestvennoj rechi koncza XVIII – nachala XIX veka // Obrazovanie novoj stilistiki russkogo yazy'ka v pushkinskuyu e'poxu. M., 1964. S. 225–284.

Cherny'x P.Ya. Istoriko-e'timologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazy'ka: v 2 t. 3e izd., stereotip. M.: Rus. yaz., 1999. T. 1–2.

Shaxmatov A.A. Russkij yazy'k, ego osobennosti. Vopros ob obrazovanii narechij. Oчерk osnovny'x momentov razvitiya literaturnogo yazy'ka [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://ruthenia.ru/apr/textes/shakhmat/shakh01.htm> (data obrashheniya: 24.10.2023).

Shaxmatov A.A. Oчерk sovremennogo russkogo literaturnogo yazy'ka. M., 1941. 288 s.

Yazy'koznanie. Bol'shoj e'nciklopedicheskij slovar' / gl. red. V.N. Yarceva. M.: Bol'shaya rossijskaya e'nciklopediya, 1998. 685 s.